

(Окончание. Начало на стр. 8-9)

ВЕКОВЕЧНОЕ ЗНАК Зодиака...

лев. Навсегда. Хотя потом дважды видела Москвина, множество раз Доброборазова, Борисом, не помню, говорящим, также навсегда стал Болдуман. Борисом, который строит "разумную Русь", приносил ей в жертву людей. Бессонный строитель, унылый дипломат, первый боярин среди бояр, первый воин в финале. Что будет с ним потом, знаю по опере. Сейчас он говорит, и речь зрительная заворачивает правдой мысли. Острый, унылый, беспощадный взгляд срезаюется со взглядом Федора, полным слез. Кажется, именно с ним работал Станиславский, его видел, создавая партию будущего спектакля. А пришел то актер в Художественном вместе с Кторовым, от разворованного "бывшего Корня". И у Корня-то был не долго, до того — русские сцены как, традиции ее театра. Открыто — героическое, романтическое, объединяющее зал высоким выливанием.

В Художественном начало героическое не суждено, но обогащается. Актер растет, как принято писать в газетах, — риском сказать, обогащает театр. При этом, что список новых ролей невелик, премьеры нечасты. Роли в них играют не годы — десятилетиями, в союзе, в двухсотый раз сел актер в просед. Художественного театра игрового, чеховского Вершинина. Путь не из близкого переудка. Михаил Пашаев-монович — муча Наталия Юрьевна Дурова. Значит рядом — "утолок Дурова", мыльная железная дорога, все понимали: ручные звери, огромные в конюшнях. Круг цирковой арены — сцена с чайкой, дом Дуровых, жена, сын, глаза зверей, глаза партнеров по спектаклю — слепым мир. Мир общего труда, в котором сжигаются твои работы, распорядок репетиций-спектаклей.

В спектаклях герои Болдумана — люди призывания, ставшего долгом. На всю его жизнь. Человек своего великого, безжалостного долга. Голунов. Долг врачебного, воспевающего Паллон Кречет (не по имени) — Данченко. Кто-то выстрелит для Болдумана роль-образ Синова во "Врагах". Революционер-подпольщик. Слово продолжение диалог Синова с Татьяной Тарасовой — Маша-Тарасова. Болдуман — Вершинин. Человек долга, офицер, пришедший к людям, к перемене городов. Уход из этого города тяжел, потому что здесь остается дом трех сестер, средняя сестра, с которой нужно расстаться. Плохой мир, создающие колонны — дело, долг-страсть этого Вершинина. Дело своим, мечтой о мировой коммуне жил его Макар Нагульнов

в экранной "Поднятой целине".

Делом своим жил создатель "половчанских садов" Махмашаев. Делом своим жил Майоров "Глубокой разведки", одного из самых мхатовских, важнейших спектаклей. Про поиски нефти в припадочной степи... не? Про людей, ищущих нефть в припадочной степи, живущих в дуальных временах, счастливых этой нефтью. Слово не черной краской, настоящей нефтью мазали, любили: орущие лопаты инженеры, рабочие, русские эстонбайджаны, Мехти Прудкина, конечно, не начал свой светлый конец. Майоров, конечно, должен был принять новый участок — время предвоенное, вышел же спектакль в разгар войны. Актер и герой его словно приняли новое натанствие: инженер-нефтяник стал командиром подводной лодки. Долг. Честь. Долг выполнен с честью. Актер, его глубокая разведка, его офицер флота получают высшую награду времени, Государственную премию первой степени. Тогда премия называлась Сталинской.

В пьесе, написанной по указанию Сталина, в симфонический "Чужой тени" Болдуман выступает в заглавной роли. Профессор Юсупов — "чужой тени". Предельно острый, острый результат секретнейших опытов враждебной державе. Тяжелое лицо, каменная челюсть, глухой голос. То же — в "Загоре обреченных". Легко сегодня упрекать драматургов, театры, иронизируют, пересказывая сюжет. Эти спектакли шли во всех театрах, получали все награды, пролились — чужой тени, оставшихся программами, фотографиями (отличиями) в музеях при театрах. Сами же театры мусульми не бывали. Душут, врангут, Болдуман занят в спектакле-долголетеле, приходится ему разделять и трагические и судьбы. Долгие годы замалчивались, в последние годы стала всеобщим достоянием судьба булгаковского "Молчара". Годы бескомпромиссных переделок пьесы. 290 репетиций. Семь спектаклей. Официальное, верховное недовольство продолжало критическим разномом автора, спектакля, исполнителя. Исканение исторической правды, внешний быт — фальшивые подробности. Не единичные — выискивание блеска исповеди Людовика XIV. Король-Солнце, которого играет Болдуман. Упоминание продолжало бытывать все костюмы: у жемчужных атласов, цинты, брабантические манжеты, пальцы, перья на шляпах затмевали, вероятно, роскошь реального короля. Но этого актера как раз не упрекали. Содержимое подлинно. Вот он — не портрет Людовика, сам Людовик. Умен не менее Голунова. Тяжел, одновременно изыскан. Привычен пария, жабо, перстни на пальцах. Привычна власть, коху — вознесу коменданта, коху — распорядку. Король с головы до ног. Сыгран сым раз.

В преархаскопные годы также долго репетируется "Зимняя сказка". Керосн ставил ее согласно "методу физических действий". Сам верил и актерам вел к тому, что полная правда, цель действий сошлется с шекспировскими монологами, оудивит печальную сказку. Спектакль шел торжественно-тяжело, актеры плавно двигались в расхождении этого десятилетия. В разном действии — одного-двухлетнего значимость этого человека все повышалась. О нем написаны романы, романы, сотни книг. Франского Гюго, придворный художник испанского престола, придворный художник всей Испании, о нем писал Антонио Буэро Вальехо "Сон разума". Так Гюго назвал один из своих оборотов.

Самому чудовищно окружают человека. Человек спит тяжким сном между двумя рождения и тьмой смерти. Лучше бы тьма была полной, потому что для спящего, как для сего Гюго, она наполнена мерзкими видениями. Художник сохраняет их жизни в своем полотно, в своих ораторах, вызывая из мерзко-инквизиторской действительности. Режиссер Ефремов, художник Свобода, ак-

тер — Болдуман, Егор Гойа, удивляясь, не может удивиться. Старый, больной, ослепший, видит серые клубы дыма или облаков, лица, преобразенные в хари, хари, преобразенные в лица. Хронос-Время пожирает человека, медьная кривая отсыр перед зеркалом. В спектакле использованы все возможности современной сценографии, которая, однако, не распылится — сходится к центру, к человеку с львиным лицом, с тяжелыми руками ремесленника. Гойеский жест, жесты, колпак "Сан-Бенито", как же падала на голову зрителя, осужденным к костру. Реальна Испания — ирреальный земной шар, быт, провозглашенный мистиком, мистика, живущая в быту. Таким предстал, вернее привиделся Гойа в наши семидесятые годы театру, актеру, тем, кому довелось увидеть спектакль про сон разума.

Патеро прожили жизнь от юности до конца в Художественном, или пришли в него, чтобы прожить до конца. Мария Осиновая Кнебель дана обратная судьба. Для меня она исторична от тех, дошедших спектаклей, от первых печателений. Первый "Дюшанский сон" — не только Хмелев, но и Мария Осиновая Кнебель. В 1901 году, 10 полковника Карпухина. Слово из "Ревизора" перебежала, по голгофическим дамам-гоголю сначала тихие, полковница же — смертельная соперница, на равных. К тому же переполненная воспоминаниями о пависие, в котором танцевала с шамалю. К тому же всегда нелепее, тем более, отпавшая, в ненавистный дом. Вертуха, юрка, пручившая острые пальцы в мутфе, — вернется в чужой гостиной, всех в себя обливает, убавит, победит, покаянная муфтой, следом все что шло аллопиментом, в Художественном не приняты.

"Вишневый сад" — прохот Шарлотта через сцену, с собачкой на цепочке. Хрустят орудом по второму акту: "Откуда и в кто же знаю". Приносилась, показывала фокус, и уходит в той же клетчатой тальмюшке куда-то, снова в чужие люди. Фамилия Кнебель знакома, да мне есть любимая книжка "Приключения куклы" издательства Кнебель. Любимая, гетто-гоголевская, библиотечка брать брать книгу по искусству, по истории с маркой той же издательства. Тут же, за стеной, идут занятия Кнебель-младшей. Маленькая, седая, остро-некрасивая, жест призывающая. Врожденный юмор сочетается с прохотенным, обожествленным к ученикам ли, к ментору ли, пришедшему читать, проводу. Впрочем, хозяйственные заботы целиком заняла на себя сестра Елена Осиновская, от совместной юности до глубокой совместности старости.

Лети в Кнебель получили первоклассное образование и воспитание. Московские вернисажи, премьеры, комфортабельные курорты им привычны с детства, притом жизнь определяет отцовский пример просветительского труда. А уж дороги и бирокет сам. Младшая выбрала театр. Студию Мхатяля Чехова. Колдовские репетиции Станиславского с этюдными-мировыми, с переисследованиями из сегодняшней Москвы, в театре Грфа Алямовича, то в Гоголь Н. Истинная история Станиславского, она в то же время самостоятельная, ее "метод действительного анализа" объясняет уроки Чехова, Станиславского, свои раздумья. Играет, режиссирует в своем Художественном Гоголь с Хмелевым Гоголь Гоголь, генеральная репетиция 45-го года становится последней. Спектакль выходит после смерти актера. А вскоре Кнебель уйдет из Художественного театра, резко разойдется с руководством. И применит свой "действительный анализ" на других сценах, с которыми и прежде была тесно связана. У Ермоловича, в Театре Красной Армии, больше всего в Центральном Детском. Гнездо на Театральной площади, в котором обитают ученики-актеры, ученики-режиссеры, драматурги и много поколения. Здесь натанствие, что мы называем "Театром Розовых". Сюда приходит Анатолий Эфрос, подхвативший принцип "действительного анализа". В Кнебельском "Копилке-гогольке" Идином станет выпускник, мхатовский "Школа студии" Олег Ефремов. Исполнители веком живут персонажи Грибоедова, Островского на сцене Малого театра. Кнебель переводит их через площадь, найдет новые ракурсы. Классика всегда жива для нее самой, ученики объяв-

ют эту классику в сочетании той, ушедшей и сегодняшней эпохи. Маленькая, седая, совершенно неотуманная женщина шеро соет мхатовские зерна, делится всем, что получила. Цикл чеховских персонажей проходит через огромные пространства ЦИСА и через сцену бывшего Камерного театра, где воскревет драма Иванова. За углом, в театре имени Маяковского снова возникает талантливый и поклонники, Штраух и молодой Александр Лазарев объединены "действительным анализом". Как и персонажи Достоевского, "Дюшанский сон" — новая, собственная инвенция, совершенно неосознанная Баба-нова имеет действие, открывая новые акценты, новые возможности театра. Московские пространства расширяются. Валдемар Пансо — преданный ученик, становится огромным художником своего, эстонского театра, национальные студии ГИТИСа еще найдут своих исследователей в будущем времени.

"Безымянная звезда" — название пьесы, которую ставила Мария Осинова в Художественном. Шла звезда румынского горюка, над которым открывались огромные звездные небо. Также же, как над верней Си-стуту, над сестрами Кнебель и учениками, сходящимися кто из Эстонии, кто с Алтая. Елена Осинова — земная заботливая хозяйка, Мария Осинова — слово изливается в небо, как старая Мари Попина, как ма-тушки добрых троллей с зеркалом в руках. Зеркало снежной королевы распалось, дамышались ледяными осколками. Зеркало Кнебель разлеталось осколками-звездами, их ливили ученики, крапля, что и Ир-ладина (я там она работала), что на Агуре.

Только что в Доме Актера прошел вечер памяти. Очень удачно. "Московский вечер памяти" впечатал о нем статью с хорошим названием: "Скляпинские одной Кнебель". Молодой автор статьи отвечает молодостью, легкостью ее учеников и учеников ее учеников. Подчеркивает, что на вечер "не было ладонских слов, бесконечных неостратидированных воспоминаний, маршматского поэта, сознания". Проштраукал молодого автора (авторшу) молодожной газеты, и про-верю себя: может быть, все, что я представляю сейчас, суть этого самия... "поток сознания". Перечитав написанное: парфос есть то, что мы называем сентиментальностью, конечно, слово в послылю ладонной шестерке поздравительные рождественские открытки.

Пусть так и будет — открытки к юбилею, к пироту с сотей счастия. К знакам и доди-ка. К знакам нашей общей памяти. Далеко от Москвы живет писательница Алла Котова. Это псевдоним. Алла — память Алены Тарасовой, Котова — в память любимейшего актера. Сколько потопов благодарной памяти, открыток, пишущихся свечей. Оскар или звезда все падают в слепные пространства сцен-зрительных залов. Моя семья всегда была в зале. Все очень любило Художественный театр.

- Алла Тарасова — Маша. "Три сестры"
- Ольга Андреевна — леди Тилл, Михаил Яншич — мистер Тилл
- Марк Прудкин — Мехти, "Глубокая разведка"
- Анатолий Кторов — Дюшан, Серфиз, "Школа злодеяния"
- Михаил Болдуман — Вершинин, "Три сестры"
- Мария Кнебель — миссис Уорд, "Павловский клуб"

Экспресс и другие...